

Даниэль ЛИБЕСКИНД:

Архитектура должна быть как кофе эспрессо — крепкой и настоящей

В АТРИУМЕ ГЛАВНОГО ШТАБА ЛЕКЦИЮ ПРОЧЕЛ ЕДВА ЛИ НЕ САМЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ И УСПЕШНЫЙ АРХИТЕКТОР НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Он родился в Польше в еврейской семье. Получил архитектурное образование в Нью-Йорке и в Эссексе, в Англии. Работал по всему миру. Петербургу Либескинд тоже некоторым образом не чужд — ведь он участвовал в конкурсе проектов скандально известного «Охта-центра». Тогда им была предложена циклопическая блестящая конструкция на двух «ногах», похожая одновременно на букву «пи» и на детскую ледяную горку... Вдвойне интересней познакомиться с автором.

СТАРЫЕ СТИЛИ — ЭТО «БАБУШКИНА АРХИТЕКТУРА»

Кажется (он сам этого, конечно, не говорит), что он свято уверен в своей миссии пророка новых пространств и форм. Старые стили он довольно презрительно называет «бабушкиной архитектурой». Он смело вторгается в освященные историей ансамбли и перекраивает их на свой лад.

— Почему существующий исторический контекст должен ущемлять художника-архитектора? Я могу работать с этим контекстом, переосмыслить его, — заявляет Либескинд. — Но не перечеркнуть прежнее, а именно по-новому понять его. Своей новой архитектурой я высветляю старую.

МУЗЕЙ В ДРЕЗДЕНЕ

Характерный пример — его работа над пристройкой к военно-историческому музею в Дрездене. Пристройка — не то слово: неоклассицистический фасад практически взломан огромным футуристическим клином из металла.

— Острие вектора указывает на место падения первой бомбы в феврале 45-го, когда город был стерт с лица земли, — говорит Даниэль Либескинд. — А его треугольная форма намекает на триангуляцию, необходимую при бомбометании.

В то же время само металлическое тело клина прерывает хронологическую экспозицию внутри старого здания — как раз в 1914 — 1945 годах, когда сама германская история повернулась трагическим образом. Первоначально арсенал дрезденского гарнизона, а затем последовательно нацистский, советский и восточно-германский музеи — сама его история подразумевает такой надлом.

Архитектор, в духе своего творческого «экуменизма», работал не только над архитектурой, но и над экспозицией внутри своей пристройки.

ЕВРЕЙСКИЙ МУЗЕЙ В БЕРЛИНЕ

Первым крупным его успехом, однако, стало другое музейное пространство, связанное с темой Второй мировой войны (для Даниэля, естественно, не чуждой — его родители выжили в холокост). В 1989 году Либескинд стал победителем конкурса на строительство Еврейского музея в Берлине. Он работал над музеем целое десятилетие — открытие состоялось лишь в 2001 году. Бетонные немые стены, тишина и темнота.

— Я понял, что на эту тему высказаться можно лишь молчанием, — комментирует Либескинд.

Правда, в конце над бетонным ущельем посетитель видит колышущиеся зеленые ветви сада, окружающего музей.

Военно-исторический музей в Дрездене.

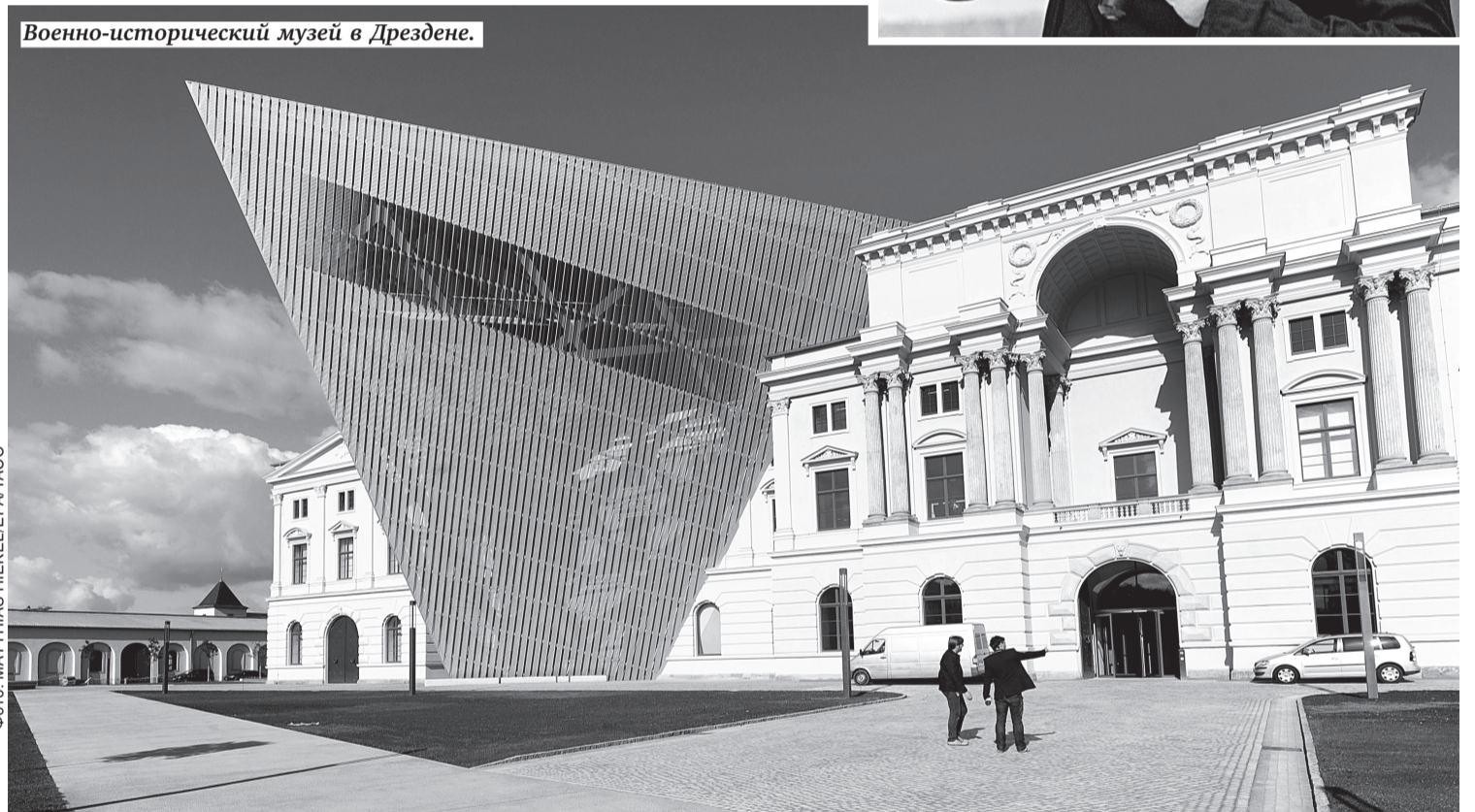

ФОТО: MATTHIAS HIEKEL/EPRA/TASS

ЦВЕТУЩИЙ САД — В ЭПИЦЕНТРЕ ВЗРЫВА

И за этим — множество других заказов по всему миру.

Один из самых последних и, пожалуй, главных его проектов — создание «Ground Zero» (мемориала на месте уничтоженных башен-близнецов Всемирного торгового центра). Строительство еще не закончено.

Либескинд вернулся в Нью-Йорк, перенес сюда штаб-квартиру своего бюро и сам поселившись здесь. Место трагедии он сделал садом. Фундаменты двух рухнувших башен превратились в бассейны с водопадами. Вокруг растет группа новых небоскребов.

— Мне говорили, что не надо тут ниагарских водопадов, — говорит архитектор. — Но ведь звук журчащей воды, звук природы — это нечто особенное посреди городского гула и звуков моторов машин. Так мы секулярным образом показываем нечто, священное для общества, для нас, — объясняет свою идею Либескинд.

«МНЕ НЕИНТЕРЕСНО ЖИТЬ КАК ЭЛИТА»

Он занимается не только музеями, театрами и общественными пространствами. Под Нью-Йорком, например, он построил коттедж для своих друзей, проработав в нем все, вплоть до мебели. Конечно, на вид это — очередное смещение острых углов. Говорит — уютно.

— Этот дом — как лицо, — объяснил Ли-

бескинд. — Бывают такие человеческие лица... снаружи жесткие, но внутри есть какой-то огонь, адреналин.

В Сингапуре Либескинд возводил элитные жилые дома, в Китае — 4-этажку для рабочих, «такую, где я сам смог бы жить». Он проектирует жилые дома для Африки и собирается — для стран Ближнего Востока.

— Мне неинтересно жить как элита. Я сам никогда не стал бы жить в особняке, на вилле. У нас с женой небольшая квартира в Нью-Йорке, там все очень минималистично, — поделился, наконец, личным архитектор.

«СИЛЬНЫЕ ЛИДЕРЫ СОХРАНЯЮТ И УЛУЧШАЮТ ГОРОД. СЛАБЫЕ — РАЗРУШАЮТ И ПЕРЕДЕЛЫВАЮТ»

Корреспондент «ВП» не мог не спросить знаменитость о личном, о петербургском.

— Вы говорите, что архитекторы имеют право встраиваться в существующую архитектуру, изменять ее. Но если взять Петербург, с которым вы уже сталкивались в своей работе, — ведь здесь идет постоянная борьба градозащитников и застройщиков. И с точки зрения градозащитников, когда сносится старый фонд, когда воспроизводится только исторический фасад дома, а все остальное разрушается, происходит не переосмысление культурного контекста, а полная его подмена. Не интерпретация, а стирание исторической памяти. Как по-вашему, для Пе-

тербурга есть какие-то свои, особые правила? Вы бы попробовали в нашем историческом центре возвести что-то столь же радикальное, как остальные работы?

— Спасибо за очень хороший вопрос. Но тут надо понимать, что есть старое и есть новое. Если все вокруг нас старое, мы сами стареем. Если все новое, мы никогда не взрослеем. Как найти эту тонкую грань между старым и новым? Со всей нашей ностальгией по старому мы не можем вернуться в прошлое. Если мы будем все сохранять как есть, город просто превратится в музей. А на самом деле прошлое — живо, прошлое — сейчас. Я не говорю, что нужно сносить дома. Вот, к примеру, я был в Гаване и понял, почему там так любят Фиделя Кастро. Потому что он сохранил Гавану, сделал ее лучше. Сильные лидеры сохраняют и улучшают город. Слабые — разрушают и переделывают, следуя собственному безумию. Спиноза говорит (вы ведь читали Спинозу?), что все хорошее создать сложно, а плохое — просто. Но все равно нужно быть смелыми и искать новые пути, новые идеалы. Архитектура должна быть как кофе эспрессо — крепкой и настоящей. Архитектура для меня — это упражнение в оптимизме.

— Но все-таки, господин Либескинд, вот у нас на днях буквально рядом с редакцией снесли дом 1902 года постройки...

— В другой раз договорим, хорошо? — улыбнулся пророк архитектуры. И исчез в закоулках атриума.

Подготовил Федор ДУБШАН